

RU

Специфика восточной поэзии в творчестве Любви Мартьяновой

Софронова И. В., Семенова Г. Н.

Аннотация. Цель настоящего исследования - выявить восточные традиции в лирике чувашского поэта Л. Мартьяновой. В ее стихотворениях традиции восточной лирики являются следствием влияния народного творчества, некоторые черты которого близки восточным, и особенностей исторического периода, которые характеризуются проявлением интереса к традициям восточной классики среди чувашских авторов. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые творчество поэта рассматривается в аспекте восточной компаративистики. Полученные результаты показали, что основные особенности лирики Л. Мартьяновой, такие как словесный рисунок, изображение маленьких и незначительных деталей окружающего мира, моментов жизни, времен года и т.д., являются проявлением традиций восточной лирики.

EN

Distinguishing Features of Oriental Poetry
in Lyubov Martyanova's Creative Work

Sofronova I. V., Semenova G. N.

Abstract. The aim of the research is to identify oriental traditions in the lyrics of the Chuvash poet L. Martyanova. In her poems, the traditions of oriental lyricism are the result of the influence of folk art, some traits of which are similar to those of the oriental, and the peculiarities of the historical period, which are characterized by the manifestation of interest in the traditions of oriental classics among the Chuvash authors. The scientific originality of the research lies in the fact that for the first time the poet's work is considered in the aspect of oriental comparative studies. The results obtained have shown that the main features of L. Martyanova's lyrics, such as verbal drawing, the image of small and insignificant details of the surrounding world, moments of life, seasons, etc., are manifestation of the traditions of oriental lyrics.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена особым интересом к проблемам компаративистики в чувашском литературоведении, в том числе к влиянию традиций восточной литературы на творчество чувашских авторов. Л. Мартьянову исследователи характеризуют как классика чувашской поэзии 70-90-х годов XX века. Публикация произведений поэта в «Антологии современной поэзии народов России» (2017) также свидетельствует о высокой оценке ее таланта. Современные критики и литературоведы неоднократно обращались к изучению творчества поэтессы. К примеру, Н. Г. Ильина (2017) исследует художественный мир ее произведений, М. Г. Михуткина (2009), О. Г. Владимирова (2014), И. В. Софронова, Ю. М. Артемьев (2020) – своеобразие формы ее стиха, А. П. Хузангай (1987) оценивает ее как одну из заметных фигур в чувашской женской поэзии. В то же время, нет работ, посвященных исследованию проявления традиций восточной поэзии в творчестве поэтессы. На наш взгляд, в лирике Л. Мартьяновой они проявляются на уровне подсознания. Поэтесса родилась и выросла среди верховых чувашей, в мировидении, языке и обычаях которых сохранилось больше черт древнечувашской культуры. В годы учебы в Чувашском государственном университете Л. Мартьянова посещала литературный кружок «Сил сунат» (Пегас), который для молодых авторов был своеобразной литературной школой. Здесь оценивались их первые поэтические опыты, они знакомились с достижениями литературы региона, страны, мира и произведениями друг друга. Через этот кружок прошли известные ныне поэты Ю. Семенгер, С. Азамат, С. Эрдиван и другие авторы. Для них становится традиционным использование свободного стиха, описание чувашского мира. Не могло остаться незамеченным для молодого автора и творчество Г. Айги и П. Эйзина, ставших особенно известными в тот период. В их стихотворениях исследователи выявляют традиции японских краткостишей, слияние чувашского и восточного мировидения (Хузангай, 1987, с. 89).

Для достижения цели исследования нами были поставлены следующие задачи: ознакомиться с творческой биографией и лирическими произведениями Л. Мартьяновой, выявить основные восточные мотивы в ее творчестве, проанализировать пути и причины их проникновения.

В работе были использованы следующие методы исследования: художественный анализ, описание и сопоставление.

Теоретической базой послужили труды Н. И. Конрада (1972) по сравнительному литературоведению, кроме того, научные разработки региональных ученых В. Г. Родионова, А. Ф. Мышкиной (2012) и Г. А. Ермаковой (2014), посвященные исследованию творчества Л. Мартьяновой, а также сравнительно-сопоставительному анализу произведений чувашской литературы и образцов региональной и мировой литературы.

Практическая значимость исследования заключается в том, что оно расширит рамки изучения особенностей чувашской поэзии 70-90-х годов XX века, внесет вклад в область чувашского сравнительно-сопоставительного литературоведения. Результаты исследования могут найти применение при изучении творчества Л. Мартьяновой в общеобразовательной и высшей школе.

Основная часть

Чувашская поэтесса Любовь Мартьянова начала писать стихи в начале 70-х годов XX века. Ею были опубликованы поэтические сборники «Эп чётнĕ вучах» («Пламень сердца моего», 1982), «Шурă юр юрри» («Песня белого снега», 1986), «Йышăнман сăмахсем» («Отвергнутые слова», 1991). В ее творчестве преобладают образцы интимной и философской лирики, характерно использование традиций восточных краткостишей и свободного стиха. Специфику традиций восточной поэзии в творчестве Л. Мартьяновой можно оценивать как результат синтеза чувашского и восточного мировидения, распространения интереса к восточной классике среди чувашских авторов в 60-80-е годы XX века.

А. А. Трофимов (1979), И. В. Павлов (1993) и другие исследователи в своих трудах не раз обращали внимание на наличие элементов буддизма, зороастризма, мусульманства в культуре и религии чувашей. Ю. В. Яковлев (2012), анализируя творчество Е. Лисиной, находит в ее образах черты, напоминающие традиции индийской культуры: «Восточное начало заложено в глубине души чуваша. Оно выходит наружу, когда автор пишет о том, что есть у него на душе» (с. 48). Данная характеристика свойственна и поэзии Л. Мартьяновой. Восточное начало проявляется в ее поэзии на уровне содержания, выражения мысли, использования образов, а также на уровне формы, в краткостишах и традициях свободного стиха. Поэт рассказывает о своих размышлениях, боли и любви, хранящихся в глубине души, создает небольшие по объему стихотворения, изображает в них явления и детали природы, определенные моменты жизни. Эти особенности дают повод утверждать, что поэтика ее стиха особенно близка традициям японских краткостишей.

В лирических стихотворениях Л. Мартьянова часто создает словесный рисунок. Это описание природы, времен года, жизненных ситуаций. Данная особенность исходит из традиций фольклора. «Чувашская словесность обладает стремлением к изображению, т.е. демонстрации, а не повествованию» (Родионов, 2000, с. 20). Чуваш, как и восточный человек, воспринимает окружающий его мир, явления природы одушевленными. Лирическая героиня Л. Мартьяновой чувствует радости и переживания небольшие и незначительные детали окружающего мира. Ей ведомы первые моменты жизни новорожденного ветерка, размышления привязанной лодки, она передает разговор двух голубей, трагедию потерявшего пару лося и т.д.:

«Хăвалăхри хăва çинче çил суралчĕ,
Кусне усрĕ кăмăллăн, кăкăр ачиле.
Шурă тĕрте айĕнче вăл шуралчĕ,
Шăрчăк хыççăн иленсе сикрĕ сĕрелле...»
(Мартьянова, 1986, с. 4).

«В ивняке на ветке родился ветерок,
Радостно глаза открыл он, как младенец.
Под белым туманом стал он белым,
Вслед за кузнечиком спрыгнул на землю...»
(здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев,
перевод наш. – И. С.).

Молодой ветерок сравнивается с младенцем. Его окружают добрые и нежные образы: кузнечик, белый туман, красивые цветы, голубое и чистое небо. Наличие добрых образов в начале пути повлияет на то, что ветер вырастет добросердечным. «В мире природы для восточных поэтов ничего не было второстепенного, недостойного внимания. Отсюда интерес к деталям, постоянное стремление к конкретизации, чуткое всматривание в жизнь животных и растений» (Кабанов, 1985, с. 84), – пишет А. М. Кабанов о значении образа природы в японской поэзии. В стихотворении за добрым и красивым рисунком следует напоминание и о злом начале:

«Хура хăрам мăрйине сĕç ан лартăр,
Ан курăнтăр эфир тухнă сұл çинче»
(Мартьянова, 1986, с. 4).

«Только бы не попал в черную трубу,
И не встретился нам потом на пути».

Здесь злое начало только упоминается. Оно необходимо для создания гармоничного рисунка, передающего единство Добра и Зла. Автор утверждает, что ветер может стать злым, если попадет в черную, испачканную сажей трубу. Так же и душа человека может огрубеть после пережитых страданий. Ветерок, рожденный как нежное и доброе явление, может измениться после того, как пройдет через «огонь, воду и медные трубы». Став злым, он может принести боль и близким людям.

Наш мир, наша жизнь состоят из отдельных моментов, незначительных деталей. Все они имеют определенное значение, каждый в свое время уместен. Если же речь идет о любви, то здесь особенно дороги минуты, проведенные рядом с любимым человеком. Лирическая героиня думает о нем в ночное время. В Стихотворении «Сърсерен...» («Ночами...») она нанизывает на белую нитку воспоминания о счастливых минутах, проведенных рядом с любимым. Таким образом она как бы соединяет в одно целое прошлое, настоящее и будущее. Стихотворение состоит из словесного рисунка, сюда также введены и тактильные ощущения. Не случайно лирической героине важно подчеркнуть, что и нитка белая, и каждое отдельное воспоминание подобно бусинке, которую можно потрогать. В стихотворении «Асамлӑ арча» («Волшебный сундук») лирическая героиня собирает в «волшебный сундук» дорогие сердцу моменты: голоса сверстников, воспоминание о первой любви, проводах возлюбленного в армию, угощении брата яблоками, ожидании матери с работы и т.д. Жизнь состоит из подобных существенных моментов, поэтому и сундук волшебный. Для лирической героини важны воспоминания из детства, юности. Она сохранила в душе по-детски чистое и волшебное восприятие окружающего мира, не держит в памяти плохие воспоминания. О неповторимости каждого жизненного периода поэтесса размышляет в стихотворении «Ыр курацца пӗлетӗп» («Знаю, что счастье придет»).

Для восточного человека особенно важно ощущение гармонии в мире. Подобное наблюдается и в философии чувашского народа, жизнь которого основана на законе *сурастару* (гармония, согласование). Она (*сурастару*) проявляется в языке, обычаях и обрядах, взаимоотношениях с людьми и миром природы. Л. Мартъянова в своем творчестве изображает гармонию противоположных явлений и понятий. В жизни они спокойно сменяют друг друга. Нет борьбы за первенство между ними.

«Шур кӑлканлӑ улӑхра –
Пур хӑва.
Шур кӑлканлӑ улӑхра –
Шур тиха.
– Епле чупать, пӑх-ха, э?
– Ай, ара,
Хӑва хулли халлӑхе
Сук асра» (Мартъянова, 1986, с. 28).

«В поле с белым ковылем –
Есть ветла.
В поле с белым ковылем –
Белый жеребенок.
– Ах, как скачет, посмотри!
– Эй, да ладно,
Пока удары ветлой
Ему не знакомы».

В небольшом стихотворении два рисунка: первый – светлое поле, где резвится жеребенок и растет ветла; второй – предостережение о предстоящих жизненных невзгодах. Нынешняя счастливая пора в будущем, возможно, сменится повседневными трудностями. Пока еще жеребенок полон сил, беззаботен, весел. Он радуется свободе. В будущем его будут подгонять прутиком ветлы в пути, заставляя тянуть непосильную ношу. И ветла, и жеребенок растут на одном и том же поле. Так же и у человека, его счастье и горе рождаются с ним одновременно. В течение жизни, в зависимости от ситуации, они будут сменять друг друга. Лирический герой не спешит радоваться или переживать по поводу их смены. Воспринимает действительность спокойно.

«Авӑтӑть куккук, авӑтӑть куккук,
Хӑмӑшлӑхра хӑмӑш авӑнӑть.
Сурхи кун ӑшши хӗлле килес сук.
Хӑй вӑхӑтӗнче пурте савӑнӑть.
Кайӑк хур килет, хайӑк хур каять,
Кӑмӑлу пулсан – ал сулса ӑсат.
Кам унта йӑрет, кам унта кулать?!
Пурнӑс урапи хыт сӑлла кусать...
Эп те савӑнтӑм савнӑс ситнӗ чух,
Мӗн пуласси пур – пурпӗрех пулать»
(Мартъянова, 1986, с. 16).

«Кукушка кукует, кукушка кукует,
А в камышовнике камыш прогибается.
Тепло весеннего дня не повторится зимой.
Все радуются в свое время.
Дикие гуси прилетают, дикие гуси улетают,
Если есть желание, помаши им вслед.
Кто сейчас рыдает, кто сейчас смеется?!
Колесо жизни катится по твердой дороге...
И я радовалась, когда счастье пришло,
То, что суждено, все равно сбудется».

Образ кукушки передает движение времени. Каждому явлению отведено свое место и предназначение. Смену времени также передает и образ диких гусей. Если весной мы радуемся их возвращению, то осенью нам тоскливо и грустно от того, что они улетают. Невозможно остановить этот круговорот. Так же как будут сменяться времена года, так же и дикие гуси будут прилетать и улетать, будет так же происходить смена счастливых и горестных минут в жизни. «История присутствует в восточной поэзии как история времен года, история круговорота, совершающегося в природе, причем смена времен года вовлекает в движение все предметы и события, названные в стихотворении, и принимает космический характер. Конкретные вещи, отраженные в тексте, включены во всеобщность круговорота, в череду всеобщих изменений, в систему повторяемости явлений природы...» (Дьяконова, 1985, с. 196). В стихотворении проявляется и мотив веры в судьбу, предначертание. Лирическая героиня говорит о строгости и беспощадности Судьбы. Счастливые и горестные минуты предначертаны нам при рождении. Нет смысла переживать из-за смены дней, годов, жизни и смерти. Мы остаемся молчаливыми наблюдателями за происходящим. «Присутствует восточная отрешенность от мира, покой, гармония, тихая печаль» (Кабанов, 1985, с. 115).

Традиции японской поэзии в лирике Л. Мартъяновой проявляются и в изображении противопоставления шумов и многоцветия жизни пустоте. Имеется описание перехода какого-либо явления в пустоту: любовь

и ее отсутствие, цветение яблони весной и отсутствие яблок осенью на дереве, человечность и поклонение богатству, смена зимы весной.

«Тулса ситнĕ панулми
пат! ўкет.
Ѕĕр чĕтрĕннĕн, сĕр кисреннĕн
илтĕнет.
Чĕрĕ, сáмрáк туратшáн
Улми татах пулĕ-ха.
Ѕĕрте выртан улмáшáн
Тепĕр турат пули-ха?»
(Мартьянова, 1986, с. 10).

«Налившееся яблоко
падает.
Будто земля задрожала, застонала,
слышится.
На живой, молодой ветке
Яблоко еще родится.
У яблока, лежащего на земле,
Будет ли еще ветка?».

В стихотворении два противоположных рисунка: яблоко, висящее на ветке, и его отсутствие, рождение звука от падения яблока на землю. Далее ведется размышление о будущем. На ветке на следующий год родится новое яблоко, а у упавшего яблока судьба одна – смерть, т.е. превращение в пустоту. Согласно традициям буддизма, шуму и веселью жизни противопоставлены тишина, пустота. Природа и вселенная обладают способностью переродиться, но их плод – яблоко, т.е. человек, – явление временное. В стихотворении яблоко ассоциируется со звездой, которая падает в небытие, пустоту. В небольшом тексте, изображающем осенний пейзаж, есть размышление о вечных истинах жизни.

Согласно восточным учениям, человек – лишь гость в этом мире. То, что мы имеем сегодня, завтра может и не повториться. То, что кажется хорошим, может быть не таковым на самом деле. И предметы, и явления обладают переходящими качествами, иллюзорностью, хрупкостью.

«...Шур юр сáнче –
Хытса хуралнá туратсем –
Пáрланнá сĕленсем выртассĕ...
Ытла та канáссáр ку шáплáх:
Халь-халь сĕлен шуса тухас пек,
Халь-халь упа урса каяс пек»
(Мартьянова, 1986, с. 12).

«...На белом снегу –
Застывшие и почерневшие ветки –
Обледеневшие змеи лежат...
Слишком тревожна эта тишина:
Будто вот-вот змея выползет,
Будто вот-вот медведь взбесится».

В стихотворении отражено единство противоположных понятий: белый снег и черные ветки, неподвижные сугробы подобны медведю. Статичный, неподвижный рисунок во второй части стихотворения начинает как бы двигаться: ветки превращаются в змей и начинают шевелиться, снег – в взбесившегося медведя и начинает рычать. Спокойствие в начале повествования иллюзорно. В любой момент оно может превратиться в устрашающий рисунок. Нет сомнений в том, что рисунок, проникнутый спокойствием и чистотой, поменяется на изображение шумного и тревожного момента. Использование образов животных, активных лишь в летнюю пору, при описании зимнего пейзажа подчинено идее единства противоположных понятий. Не случайно лирический герой вводит предупреждение «такая тревожная тишина». Душа его находится на одной волне с окружающим миром. Она натянута до предела, может ощущать мимолетные изменения, чувства и желания предметов, предчувствовать будущее.

В восточных учениях образ дороги имеет особое значение. Оно связано с судьбой человека, постижением Бога. Образ дороги присутствует также и в чувашской словесности. Она олицетворяет будущее человека. В стихотворении Л. Мартьяновой «Шартламачĕ, сивĕчĕ...» («Было студено, холодно...») дорога ведет лирического героя из родного дома в его будущую жизнь. Чтобы не заблудиться во время бури и метели, он специально оставляет знаки вдоль дороги. По этой дороге он часто возвращался обратно, пока были живы те, кто ему дорог, кто ждал его в родном доме. Путь домой был знаком до последней кочки, но он потерял свое значение после ухода родных. Новая, еще не натопанная дорога полна неровностей, она трудная, узкая, долгая. Лирический герой знает, что ему придется пройти по ней до конца самостоятельно. Он не осуждает попутчиков, решивших не везде сопровождать его. В то же время радуется тому, что есть друзья и родственники, готовые протянуть руку. Так же и лодка, изображаемая во многих стихотворениях поэта, мечтает пройти свой путь. Вопреки всему она отчаливает от берега. Она готова доплыть до горизонта, до того места, где синее море сливается с белым небом, несмотря на то, что нет вĕсел, сломаны некоторые части, вода холодная и грубы твердые камни, море бушует.

«Шур парáслá, сáт ĕмĕтлĕ шур кимĕ,
Ѕитес сĕре сан пур-пĕр ситмелле!
Ѕитес куна сан чыслáн кĕмелле,
Шур парáслá, сáт ĕмĕтлĕ шур кимĕ!...»
(Мартьянова, 1986, с. 35).

«Белая лодка с белым парусом и светлой мечтой,
Ты должна дойти до намеченной цели!
Новый день должна встретить достойно,
Белая лодка с белым парусом и светлой мечтой».

Лирическое произведение «Ѕитмелле...» («Нужно дойти...») напоминает стихотворение М. Сеспеля «Тинĕсе» («К морю»). Как и М. Сеспель, Л. Мартьянова изображает его с устрашающими волнами и большими

камнями, передает шум моря через аллитерацию. В то же время для Л. Мартьяновой важно не описание бушующего моря, а поведения лодки, которая устремилась к намеченной цели.

В восточной поэзии изображение времен года считается традиционным. Японские поэты, к примеру, «через описание изменения времен года показывают человека неотъемлемой частью природы. Из всех времен года предпочтение отдается весне и осени» (Кабанов, 1985, с. 74). Л. Мартьянова предпочитает писать о весне. Подобные стихотворения отличаются детализацией. Поэт фиксирует каждое изменение, происходящее в природе в это время, описывает гамму звуков и красок окружающего мира, а также надежды и размышления крестьянина. Весна – это пора, когда оживает жизнь, любовь, надежда на лучшее. Приход весны после долгой и суровой зимы радует всех. Даже зима, зная, что ей недолго осталось, полна предвкушений. Зима же для лирической героини является периодом проверки ее намерений: она находит дорогу, чтобы вернуться домой в студеную погоду, прячет следы ушедшей любви под белый снег, напевает песни, напоминающие о летних днях. Образ осени олицетворяется с пережитыми, прошедшими чувствами любви. Лирическая героиня сравнивает себя с березой с пожелтевшими листьями. Готова упасть к ногам возлюбленного, став красным кленовым листом. Для стихотворений характерно изображение душевного состояния через изменение времен года, наполнение рисунка природы разными цветами красок. Использование описания изменений окружающего мира в разные периоды года в качестве художественного тропа более характерно для интимной лирики поэтессы.

Заключение

В ходе ознакомления с творческой биографией и лирическими произведениями чувашского поэта Л. Мартьяновой нами были выявлены некоторые особенности восточной поэзии. Они проявляются в изображении гармонии противоположных понятий, времен года, малозначительных деталей окружающего мира и моментов жизни. Словесный рисунок в стихотворении наполнен красками, деталями, тактильными ощущениями. Изображение в любой момент может измениться, зашевелиться. Использование традиций восточной поэзии характерно для формы и содержания стихотворений поэтессы. Наличие общих черт в мировидении чувашского и восточного народов, своеобразии традиций чувашской словесности, сходных с восточными, повлияли на проявление специфики соответствующих поэтических традиций в творчестве Л. Мартьяновой. Популярность чувашских авторов, использующих в творчестве формы восточного стиха, также могла сказаться на своеобразии ее лирики.

Перспективу дальнейших исследований мы видим в более подробном изучении традиций восточной поэзии в творчестве Л. Мартьяновой в сравнении с другими авторами, использующими данные традиции.

Источники | References

1. Владимирова О. Г. Поиски новых поэтических форм в литературе народов Урало-Поволжья // Проблемы создания региональной истории литератур народов Поволжья: матер. Регион. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2014.
2. Дьяконова Е. М. Природа, люди, вещи и способы их отражения в поэзии трехстиший // Человек и мир в японской культуре: сб. статей. М.: Наука, 1985.
3. Ермакова Г. А. Ведущие концепты в лирике поэтов Урало-Поволжья // Проблемы создания региональной истории литератур народов Поволжья: матер. Регион. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2014.
4. Ильина Н. Г. и др. История чувашской литературы XX века. Ч. 2. 1956-2000 годы: коллективная монография. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017.
5. Кабанов А. М. Человек и природа в поэзии Годзан Бунгаку // Человек и мир в японской культуре. М., 1985.
6. Конрад Н. И. Запад и Восток: статьи. М.: Наука, 1972.
7. Мартьянова Л. В. Шурă юр юрри. Сăвăсем. Шупашкар: Чăв. кĕн. изд-ви, 1986.
8. Михуткина М. Г. Развитие нетрадиционной метро-ритмики чувашского стиха: автореф. дисс. ... к. филол. н. Чебоксары, 2009.
9. Павлов И. В. Мир в чувашском язычестве: опыт диалогической реконструкции // Слово. Сăмах. 1993. Исследования и тексты. Чебоксары: ЧГИГН, 1994.
10. Родионов В. Г. О типах чувашского национального мышления // Известия Национальной академии наук и искусства ЧР. Чебоксары, 2000.
11. Родионов В. Г., Мышкина А. Ф. Проблемы изучения литератур народов региона и литературоведческая компаративистика // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4.
12. Софронова И. В., Артемьев Ю. М. Жанровые формы восточной классики в чувашской литературе: монография. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020.
13. Трофимов А. А. Антропоморфизация модели мира и народный женский костюм чувашей // Актуальные вопросы истории и теории чувашского искусства. 1979. Вып. 90.
14. Хузангай А. П. Поиск слова: литературно-критические статьи. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987.
15. Яковлев Ю. В. Ева Лисина: пултару тĕнчи. Шупашкар, 2012.

Информация об авторах | Author information

RU

Софронова Ирина Владимировна¹, к. филол. н., доц.

Семенова Галина Николаевна², д. филол. н., доц.

^{1,2} Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары

EN

Sofronova Irina Vladimirovna¹, PhD

Semenova Galina Nikolayevna², Dr

^{1,2} Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Cheboksary

¹ muxtar2@yandex.ru, ² gncemenova@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 09.11.2021; опубликовано (published): 28.12.2021.

Ключевые слова (keywords): Л. Мартянова; поэзия; свободный стих; словесный рисунок; восточные традиции;
L. Martyanova; poetry; free verse; verbal drawing; oriental traditions.